

Э. Кастен
СООБЩЕНИЯ О ПУТЕШЕСТВИЯХ И НАБЛЮДЕНИЯХ
НЕМЕЦКОГОВОРЯЩИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
В XVIII И XIX вв. С ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
(вольный перевод с немецкого Тьян Заочной)

В виду опасностей для исследовательских путешествий в еще малоизвестные и климатически экстремальные регионы мира встает вопрос: что могло побуждать молодых исследователей подвергать себя большим трудностям и рискам, особенно наглядно описанным Карлом Генрихом Мерком (1). Побуждения, возможно, были самые разные. С одной стороны, необходимо учесть, что доступ к академической карьере в те времена был весьма ограничен. Молодые ученые, не желавшие довольствоваться безнадежным положением, могли привлечь на себя внимание только благодаря новым сенсационным результатам. Были и такие, кто чувствовал свое призвание к новым открытиям, следуя внутреннему интересу и обладая силой и энергией для честолюбивых планов, но в то же время не имея достаточной профессиональной подготовки, чтобы получить одно из редких возделенных мест в команде исследователей, принимавших участие в работе на экспедиционных кораблях. К тому же, как правило, требовались специальные рекомендательные письма влиятельных сторон, которые, в свою очередь, можно было получить только через собственные семейные связи (2).

Кроме опасных условий для работы, молодых людей, возможно, побуждали также научный интерес, мужество и, в определенной степени, жажда приключений. Шамиссо, например, с большим восторгом говорит о расширении опыта, приобретаемом в такого рода поездках: «о котором не мечтает тот, кто в своей жизни не продвинулся дальше, чем с нижней школьной скамьи до кафедры» (3). Большое значение могло иметь и то, что школьное и университетское образование того времени не ограничивалось отдельными специальными дисциплинами, но, как тогда было принято, предлагалась обширная образовательная программа. Кроме того, упомянутые здесь молодые исследователи вращались в ученых и литературных кругах европейских метрополий того времени, соприкасались с этическими и гуманистическими идеями. Очевидно, позднее это оказывало влияние на их взгляды и интеллектуальную позицию, четко отличавшие их от коррумпированных властей и алчных коммерсантов на Дальнем Востоке России.

Многие из активных молодых ученых XIX в. передвигались в противоположных направлениях, можно сказать, были своего рода «мигрантами» между важными в то время центрами образования – Берлином, Дерптом и Санкт-Петербургом. Объясняется это тем, что молодых людей из Прибалтики после предварительной подготовки часто тянуло в Берлин для получения дальнейшего образования, большая часть которых позднее возвращалась в Дерпт, чтобы преподавать в университете. Были и такие, кто поступал на службу в Петербургскую академию наук, куда, в свою очередь, также поступало большое число выросшего в Германии молодого поколения ученых.

Таким образом, о многих из них можно сказать как о будущих «гражданах мира», формирование личности которых происходило во время миграций из одной страны в другую, позднее в течение совместных международных экспедиций с другими исследователями. <...> Как это было, например, в случае с Шамиссо. Вопреки французскому происхождению он чувствовал себя немцем, но во время немецко-французской войны под конец учебы он испытывал неприязнь к себе из-за своего происхождения. Похоже, это облегчило ему принять решение и поступить на службу к немецко-балтийцу Отто фон Коцебу на борт парусника «Рюрик», плавающего под российским флагом. Многие немецкие исследователи, как, например, Иоганн Эренфрид Кегель и Петер Симон Паллас, временно или навсегда переселялись в Российскую империю, причем некоторые из них принимали другое имя или писали свое имя на русский манер.

Разнообразное интеллектуальное окружение, в котором росли многие молодые исследователи, в дальнейшем оказывало влияние на их подходы и результаты, выделявшиеся необычной неоднородностью. Начиная с Палласа (4), ученым в дорогу давались так называемые «инструкции», и все же в зависимости от личности и амбиций исследователя им представлялась широкая возможность решать самим, что из запланированного можно было осуществить и на какие задачи делать основной упор. Таким образом, многие ученые изменяли и расширяли программу в зависимости от собственных представлений и накопленного опыта, приобретаемого ими во время путешествий. Порой они отказывались от общепринятого учения и научных авторитетов того времени (5), но лишь в той степени, если это не оказывало серьезной угрозы для их карьеры. Можно догадаться, что Стеллер был не очень высокого мнения о методах исследования Гмелина, а потому старался удер-

жать его от поездки на Камчатку, красочно описывая большие трудности передвижения на собачьих упряжках (6). Шамиссо четко и убедительно подвергал сомнению в то время важные таксономические (расположенные по порядку и закону) системы Палласа, требуя включения традиционных знаний коренного населения. Таким образом, он смог исправить некогда предпринятую Палласом классификацию некоторых видов китов (7).

В имеющихся записях можно обнаружить, как процессы и результаты исследований зависели от каждого отдельного ученого. Рассматривая отношения между Стеллером и Берингом, Шамиссо и Коцебу, можно сказать, что столкновения интересов были запрограммированы (8). В других случаях можно также отметить, что некоторые, как, например, Кегель и Дитмар, вели себя по-разному, когда сталкивались с коррумпированным начальством в Петропавловске. Если Кегель постоянно клеймил злоупотребление властью и перегибы в отношении коренного населения (в ответ на это он должен был смиряться с заведомо ложными доносами и значительными препятствиями для своей работы), то Дитмар, похоже, предпочитал договариваться в свою пользу с сомнительными, но влиятельными кругами начальников Страннолюбского и Завойко (9). В случае с Шамиссо четко просматривается, каким образом тот выражал критику принятой форме обращения с коренным населением: он воздерживался от пресловутых попок, уходя на прогулки, чтобы «заниматься ботаникой» (10).

Необычному многообразию результатов исследований способствовало и то, что исследователи получали свое образование по разным дисциплинам. Среди них встречались также самоучки, как, например, Генрих фон Китлиц, которому удалось с помощью семейных связей после военной службы сразу перейти в группу ученых под руководством капитана Литке (11). Он, благодаря самостоятельно приобретенным в молодые годы знаниям в области орнитологии, во время исследований смог развить их до высокого профессионализма. Бесспорно и то, что его художественный талант имел большую ценность в то время, когда не существовало фотографии.

Другие ученые имели многопрофильную образовательную подготовку. Многие из них были врачами, таким образом, заинтересованными в самом человеке, что в свою очередь предопределяло дальнейшие этнологические исследования. В случае со Стеллером немалую роль играло также и его теологическое образование. Его интересовало не только питание и традиционное пользование ресурсами – он не ограничивался ботаническими исследованиями, как это делали почти все исследователи естественно-научного направления – но также мировоззрение и религиозные представления коренных народов (12). Подобно своим современникам – священникам на других континентах, проявлявшим большой интерес к языкам и культурам (13) – Стеллер уже в XVIII в. приобрел широкий доступ к языкам коренных народов (в данном случае к ительменскому). После него вплоть до конца XIX в. никто из исследователей в таком объеме этим не занимался.

Происходило ли это через христианское или гуманистическое влияние, или благодаря внимательным наблюдениям и процессу становления личности во время исследований, бросается в глаза то, что многие из них (исследователей) отказывались от тесных рамок запланированного научного задания и сухих инструкций и, в отличие от начальства и коммерсантов, относились с большой чуткостью к местному населению.

К примеру, страстный охотник Китлиц соблюдал определенные правила поведения местных жителей во время охоты на снежных баранов (14). Другой пример дает Шамиссо, сдержанно и критически относящийся к обращению с человеческими черепами (15). Напротив, исследователи, работавшие после него, считали такого рода разграбление могил «служением науке» (16).

Бросается в глаза эмоциональная озадаченность многих исследователей часто жестоким обращением начальства и коммерсантов с местным населением. Во многих случаях ученые вмешивались в политические дела и ввиду неуважения прав местного населения мужественно поддерживали их, несмотря на то, что сами подвергались интригам со стороны начальства и рисковали продолжением своей научной работы. Примером тому, кроме Кегеля (17), прежде всего является Стеллер, когда его во время возвращения в Санкт-Петербург арестовали в Иркутске якобы за государственную измену (18). Описанные Стеллером жестокости во время завоевания Камчатки в главе «О первой оккупации земли Камчатка» (называемого сегодня «присоединением»), соразмерны похожему продвижению завоевателей на территории индейцев в Америке. Однако США и Канада с самокритикой пересмотрели эту печальную главу своей истории в отношении коренных народов, предоставляя им возмещение (например, ANCSA), самоуправление (например, Nunavut), возвращая незаконно изъятые предметы культуры (NAGPRA).

Вопреки порой тесному приближению к видению коренного населения у исследователей-чужестранцев возникали трудности понимания мировоззрения и религиозных представлений с точ-

ки зрения самих носителей. Стеллер, например, если и пытался толковать их ритуалы с позиции пиегизма, но в конечном итоге – все же с христианской точки зрения. Напротив, у Мерка (20) мы находим нейтральные описания религиозных представлений и обрядов у чукчей в конце XVIII в. Благодаря ему мы располагаем подробной и правдивой информацией, которая и сегодня кажется убедительной.

Позднее в некоторых путевых записях упоминались этнологические методы. Например, визуализация этнографической информации самим коренным населением, как это было сделано Шамиссо на основании моделей китов. Такого рода метод позднее применялся Боасом, Богоразом и Йохельсоном: они предоставляли местным жителям самим с помощью рисунков объяснять свое мировоззрение и представление о пространстве.

Несмотря на то, что путешествующие и ученые сначала чувствовали приверженность к эмпирическим естественно-научным методам своего времени, с течением времени большинство из них проникались все большим уважением к традиционным знаниям в зависимости от того, с какой интеллектуальной позиции они подходили к коренному населению, как долго и на каком расстоянии находились. Но, похоже, только продолжительность пребывания не была ключевой, если рассматривать, как благодаря методически хорошо обдуманному и интенсивному подходу Шамиссо удалось в сравнительно короткий срок узнать от алеутов об их знании относительно китов (21).

Пожалуй, самое глубокое ознакомление с культурами народов Камчатки, особенно ительменов, удалось сделать еще в XVIII в. Стеллеру. За более чем трехлетнее пребывание он осознанно усвоил их образ жизни и питания, будучи уверенным, что в таких природных условиях это самое подходящее. В противоположность другим путешествующим ученым, как, например, Гмелин и Паллас (22), он интуитивно практиковал первые основы «участвующего наблюдения», ставшие в последующие 200 лет важным методом этнологических полевых исследований.

Вероятно также и то, что восхищение применением быстро растущего с начала XIX в. научно-технического прогресса меняло взгляды ученых, путешествующих позднее по Камчатке и Дальнему Востоку, на традиционные знания. Новые приборы и технические процессы склоняли, порой, скорее к тому, чтобы следовать провозглашенному правилу «измерять измеримое» (23), а не заниматься исследованием накопленного опыта коренного населения. При рассмотрении педантично отмеченных измерений температуры и ветра в журнале Кегеля (24) напрашивается вопрос, а не лучше ли было продолжительное время, проведенное им среди камчадалов, использовать для того, чтобы записывать их обширные знания на основании многолетних наблюдений за климатом и погодой.

В целом, описания содержат уникальные этнографические данные и информацию о традиционном знании коренных народов Дальнего Востока России, и, прежде всего, применительно к природопользованию в то время, когда их культуры подвергались быстрому перелому из-за растущего влияния торговых контактов и колонизации, описание которых несколько десятилетий позднее в объеме, представленном здесь, сделать было бы невозможно.

Но, пожалуй, самым важным вкладом применительно к сегодняшнему времени является то, что эти исследователи дают пример решимости, с которой они, получившие широкое образование и соответствующие духовные позиции, вступались за справедливые отношения и обращение к коренному населению. Они требовали от политически могущественных и экономически сильных сочувствия и ответственности на благо ближних (25).

1. *Pivovar, H.* Carl Heinrich Mercks Forschungsarbeiten auf den Halbinseln Kamčatka und Čukotka während der Billings-Saryčev-Expedition (1785–1795) // *Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert.* 2013. С. 87–88.

2. *Strecker, L.* Friedrich Heinrich Freiherr von Kittlitz – ein deutscher Adeliger erforscht im Dienste der Kaiserlich Russischen Akademie der Wissenschaften die Halbinsel Kamčatka // Там же. 2013. С. 151; Tammiksaar, Э. Adolph Erman – ein bedeutender und zugleich umstrittener Naturforscher Sibiriens // Там же. 2013. С. 177; Federhofer, M.-T. Lokales Wissen in den Reisebeschreibungen von Otto von Kotzebue und Adelbert von Chamisso // там же. 2013. С. 124.

3. *Federhofer, M.-T.* Chamisso und die Wale. 2012. С. 108.

4. *Vermeulen, H.* Peter Simon Pallas und die Ethnografie Sibiriens im 18. Jahrhundert // *Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert.* 2013. С. 48, 51–52.

5. *Ordubadi, H.* Die Werke aus geschichtswissenschaftlicher Sicht // Там же. 2013. С. 270; Federhofer, M.-T. Lokales Wissen in den Reisebeschreibungen von Otto von Kotzebue und Adelbert von Chamisso // Там же. 2013. С. 136–137.

6. *Kasten, E.* Georg Wilhelm Stellers ethnologische Methode während seiner Forschungen auf Kamčatka (1740–1745) // Там же. 2013. С. 38.
7. *Federhofer, M.-T.* Chamisso und die Wale. 2012. С. 31.
8. *Ordubadi, H.* Die Werke aus geschichtswissenschaftlicher Sicht // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013. С. 270–271.
9. *Kasten, E.* Johann Karl Ehrenfried Kegel: Ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land – und Naturnutzung auf Kamčatka // Там же. 2013. С. 211.
10. *Federhofer, M.-T.* Chamisso und die Wale. 2012. С. 109.
11. *Strecker, L.* Friedrich Heinrich Freiherr von Kittlitz – ein deutscher Adelige erforscht im Dienste der Kaiserlich Russischen Akademie der Wissenschaften die Halbinsel Kamčatka // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013. С. 149.
12. *Kasten, E.* Georg Wilhelm Stellers ethnologische Methode während seiner Forschungen auf Kamčatka (1740–1745) // Там же. 2013. С. 41.
13. *Dürr, M.* Die Erforschung der Sprachen Kamčatkas // Там же. 2013. С. 293.
14. *Strecker, L.* Friedrich Heinrich Freiherr von Kittlitz – ein deutscher Adelige erforscht im Dienste der Kaiserlich Russischen Akademie der Wissenschaften die Halbinsel Kamčatka // Там же. 2013. С. 160f.
15. *Federhofer, M.-T.* Chamisso und die Wale. 2012. С. 110–111.
16. *Kasten E.* Masken, Mythen und Indianer: Franz Boas' Ethnographie und Museumsmethode // Franz Boas – Ethnologe, Anthropologe, Sprachwissenschaftler: Ein Wegbereiter der modernen Wissenschaft vom Menschen. 1992. С. 90.
17. *Kasten E.* Johann Karl Ehrenfried Kegel: Ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land – und Naturnutzung auf Kamčatka // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013. С. 211.
18. *Kasten E.* Georg Wilhelm Stellers ethnologische Methode während seiner Forschungen auf Kamčatka (1740–1745) // Там же. 2013. С. 35.
19. *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. 2013 С. 141–148.
20. *Pivovar H.* Carl Heinrich Mercks Forschungsarbeiten auf den Halbinseln Kamčatka und Čukotka während der Billings-Saryčev-Expedition (1785–1795) // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013. С. 85–86.
21. *Federhofer M.-T.* Chamisso und die Wale. 2012.
22. *Kasten E.* Georg Wilhelm Stellers ethnologische Methode während seiner Forschungen auf Kamčatka (1740–1745) // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013. С. 36.
23. *Kotzebue O. v.* Entdeckungsreise in die Südsee und nach der Beringstraße zur Erforschung einer nördlichen Durchfahrt. Unternommen in den Jahren 1815, 1816, 1817 und 1818. 1821. С. 73.
24. *Kegel J. K. E.* Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel von 1841 bis 1847. 2012. С. 323–408.
25. *Kegel J. K. E.* Там же. 2013. С. 47, 66; *Кастен Э.* Агроном И. К. Э. Кегель о местном начальстве и политике развития Камчатки в середине XIX в. // Материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 92, 94.

И. В. Кисличенко
ДОБРО И ЗЛО В САМОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ КАМЧАТКИ

Среди богатств, с которыми северянин вошёл в новый век, – непобедимость, самоотверженность, величие человеческого духа, свойственные северному человеку в любой жизненной ситуации, а также самобытная культура, которая имеет тысячелетнюю историю и должна сохраняться вне зависимости от того, велик или мал этот народ по численности.

Жизнь в суровых условиях Севера, нелегкий труд рыбаков, бесконечные скитания по тундре с табунами оленей, риск на охоте – все это ставило людей в зависимость от стихийных сил природы. Человек оказывался беззащитным перед болезнями, голодом, землетрясениями. Но занятия рыболовством, оленеводством, охотой и собирательством позволяли людям разносторонне познавать природу. В то же время человек не был избавлен от чувства бессилия перед ее грозными явлениями,